

УДК 904

О.В. Зайцева, Е.В. Водясов

ПРИЗНАКИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В ОБЬ-ТОМСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

На основе статистического анализа погребального обряда средневековых некрополей Обь-Томского междуречья авторы выделяют в двух из них (Астраханцевский курганный могильник и могильник Тоянов Городок) группы захоронений с элементами мусульманского погребального обряда: с отсутствием в могилах инвентаря и с обращением лица покойного в сторону Мекки. В статье наглядно показано, как археологические данные могут быть использованы для решения актуальной проблемы времени проникновения ислама в Западную Сибирь.

Ключевые слова: Обь-Томское междуречье, мусульманский погребальный обряд.

Время проникновения ислама в Западную Сибирь – одна из сложнейших и интереснейших проблем в истории региона. Отсутствие надежных письменных свидетельств оставляет широкое поле для научных дискуссий и гипотез [1, 2, 3, 4, 5]. Как показывают исследования в других регионах, ценными источниками по истории распространения ислама, наряду с историческими и этнографическими, являются и археологические данные по погребальной обрядности [6, 7]. Достоверно археологически могут быть засвидетельствованы два важнейших признака мусульманского погребального обряда: *отсутствие инвентаря* в могиле и *соблюдение киблы*, то есть обращение лица покойного в сторону Мекки [6. С. 44–49; 8. С. 123–124; 9]. Учитывая географическое положение Обь-Томского междуречья, размещение тела покойного с соблюдением киблы должно быть следующим: ориентация умершего головой на юго-восточный сектор, при этом голова обязательно должна быть повернута на левую сторону. Именно при такой позе покойный будет обращен лицом к Каабе.

Авторами были проанализированы наиболее исследованные и полно опубликованные средневековые некрополи Обь-Томского междуречья на предмет присутствия признаков исламской обрядности (Басандайский курганный могильник, Усть-Малокиргизский курганный могильник, Астраханцевский курганный могильник, Козюлинский курганный могильник, могильник Тоянов Городок) [10, 11, 12, 13]. Результаты проведенного статического анализа оказались весьма неожиданными. Группы погребений с признаками исламской погребальной обрядности удалось выделить в двух некрополях. Первый – Астраханцевский курганный могильник – расположен на Оби и датируется развитым Средневековьем [12. С. 115–116]. Второй – могильник Тоянов Городок – располагается на Томи и датируется поздним Средневековьем [13. С. 16].

Астраханцевский курганный могильник исследовался Л.М. Плетневой в 1982, 1983 и 1986 гг. Всего на его территории зафиксировано 127 курганных насыпей, 66 из которых раскопаны. Данные о положении скелета четко удается установить в 98 случаях. Поскольку планы погребений публиковались лишь выборочно, а такая важная деталь, как положение головы, не всегда указывалась в тексте, нами были проанализированы также все имеющиеся отчетные материалы по результатам раскопок могильника [14, 15]. Всего на могильнике обнаружено 27 безынвентарных захоронений (27,5 % от общего числа исследованных на могильнике), а соблюдение киблы прослежено в 33 погребениях (33,6 % от общего числа исследованных). По сочетанию этих признаков можно выделить две группы погребений: погребения, полностью соответствующие канону мусульманского погребального обряда, и погребения с чертами мусульманской обрядности.

1. Погребения, соответствующие канону мусульманского погребального обряда (16,3 % от общего числа исследованных на Астраханцевском могильнике погребений). В эту группу вошли захоронения, сочетающие оба важнейших признака мусульманского погребального обряда: отсутствие инвентаря в могиле и соблюдение киблы. Семь погребений безынвентарны, умершие сориентированы головой на юго-восток, череп повернут на левый висок (курган 4, погребения 1, 2; курган 5, погребение 2; курган 8; курган 28; курган 41; курган 47, погребение 1, костяк 2). В эту же группу мы включаем еще девять захоронений, где также отсутствовал инвентарь, умершие ориентированы головой на юго-восточный сектор, однако положение черепа невозможно установить из-за плохой сохранности (курган 19; курган 26, погребение 1; курган 47, погребение 1, костяк 1; курган 67; курган 69, погребение 1 (коллективное – 3 умерших); курган 94; курган 100).

2. Погребения с чертами мусульманской обрядности (28,5 % от общего числа исследованных на Астраханцевском могильнике погребений.) В данной группе захоронений мы выделяем две подгруппы. *Погребения, не содержащие инвентаря, но без соблюдения киблы (11,2 % от общего числа исследованных на Астраханцевском могильнике погребений.)* Таких захоронений всего 11, что составляет 11,2 % от общего числа исследованных (курган 3, погребение 1; курган 5, погребение 3; курган 20; курган 24; курган 33, погребение 1; курган 38, погребение 2; курган 59; курган 60, погребение 1; курган 122, погребения 1, 2; курган 123, погребение 2. При этом в четырех случаях зафиксирована северо-восточная ориентация головы без поворота черепа. В трех случаях – юго-восточная ориентация без поворота черепа. По одному случаю: северо-восточная ориентация с положением черепа на левом виске; западная ориентация с положением черепа на левом виске; юго-восточная с положением черепа на правом виске. В одном случае ориентация головы умершего не определена. *Погребения с соблюдением киблы, но содержащие инвентарь (17,3 % от общего числа исследованных на Астраханцевском могильнике погребений.)* Эта подгруппа более многочисленная. Всего исследовано 17 таких захоронений, что составляет 17,3 % от общего числа (курган 3, погребение 2; курган 5, погребение 1; курган 16; курган 17; курган 30; курган 32; курган 33, погребение 1; курган 42; курган 44; курган 45; курган 46; курган 63; курган 64, погребения 1, 2; курган 68; курган 92, погребения 1, 2). Интересны положения рук в некоторых погребениях этой группы. В трех случаях (в курганах 3, 45, 92) левая рука лежала вдоль тела, правая – на костях таза. В двух случаях (в курганах 45, 46), наоборот, правая рука – вдоль тела, левая – на костях таза. Д.В. Васильев, исследователь мусульманского погребального обряда в Золотой Орде, объясняет такое положение рук поворотом спеленатого саваном тела на один из боков [7. С. 103].

Все эти 17 захоронений содержат инвентарь самых различных категорий. Однако среди них необходимо выделить шесть захоронений, где найдены лишь единичные вещи или предметы, которые могли и не являться погребальным инвентарем в строгом смысле (детали одежды, украшения, находившиеся на умершем в момент смерти, и т.д.). Например, в погребении 1 кургана 17 захоронена женщина около 25 лет. Головой умершая ориентирована на юго-восток, череп повернут на левый висок, руки вытянуты вдоль тела, а весь инвентарь представлен только двумя брон-

зовыми серьгами, притом, что могила не разграблена [12. С. 15]. В курганах 5, 30 лица двух покойных женщин также обращены к Мекке, а из всех находок обнаружено только по одному ножу. Подобная ситуация характерна и для погребения 1 кургана 64, где поза умершего также соответствует мусульманскому обряду, а инвентарь представлен одним железным наконечником стрелы. В погребении 2 кургана 92 из вещей обнаружены лишь одна бусина и обломок зеркала.

Такая малочисленность погребального инвентаря в сочетании с каноническим выполнением киблы достаточно часто встречалась и в могильниках Золотой Орды XIII–XIV вв. [7. С. 94]. И. Измайлов, анализируя мусульманский погребальный обряд, полагает, что «находки вещей в погребениях, особенно на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене), являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством «пережитков» язычества» [9. С. 25]. К тому же прямого категорического запрета на помещение в могилу вещей нет ни в шариате, ни в хадисах [9. С. 23]. Следует также всегда учитывать, что синтез различных верований, выраженный в вариативности погребального обряда, – закономерный этап в истории распространения любой религиозной доктрины.

Таким образом, на материалах Астраханцевского могильника выделяется 44 захоронения с мусульманскими чертами погребального обряда, что составляет 44,8 % от всех исследованных. Распределены они по территории некрополя достаточно равномерно и не составляют отдельную планиграфически выделяющуюся группу. По половозрастным характеристикам эта группа также особо не выделяется: в нее входят и мужские и женские погребения разных возрастных категорий, а также детские.

Астраханцевский курганный могильник был включен Л.М. Плетневой в круг памятников басандайской культуры. Однако она также справедливо отмечала, что этот памятник «по ряду признаков хронологического порядка» и «большому проценту безынвентарных погребений» отличается от других могильников Томского Приобья развитого Средневековья и датируется «XIII–XIV, а возможно, и XV вв.» [12. С. 116]. Несмотря на всю сложность датировки безынвентарных погребений, мы склонны считать их в целом синхронными остальным датированным комплексам по ряду причин. Во-первых, в планиграфии могильника безынвентарные захоронения распространены относительно равномерно по всей его территории,

что может косвенно указывать на одновременность заполнения пространства некрополя как курганами, содержащими многочисленные находки в погребениях, так и безынвентарными комплексами. Во-вторых, нередко случаи, когда под одной насыпью на одном уровне находились могилы с датирующим инвентарем XIII–XV вв., и захоронения из обеих выделенных выше групп: это курганы 3, 33, 42, 63, 64, 69, 92 [12. С. 115–116]. Предметов, датируемых XVI–XVII вв., в инвентаре могильника не выявлено, полностью отсутствуют и предметы русского импорта. Однако даже все это не отрицает возможности нахождения на территории некрополя отдельных, более поздних, чем XIII–XV вв., комплексов.

Второй памятник, где выделяется группа погребений с чертами мусульманской обрядности, – **могильник Тоянов Городок**. К сожалению, мы не располагаем столь полными данными для статистического анализа, как в предыдущем случае. За более чем вековую историю исследования могильника так и не был снят его общий план. Часть материалов оказалось безвозвратно утерянной, еще часть не содержит необходимых для нашего анализа сведений. Так, весьма запутанной оказалась ситуация с ориентировкой погребений, раскопанных Ф.Р. Мартином в 1891 г. Ориентировка погребений на схемах совершенно не соответствует их текстовому описанию [13. С. 24–26]. В связи с этим нами учтено только 48 курганов, раскопанных М.П. Грязновым в 1924 г. [10]. Безынвентарные захоронения встречены в 10 случаях (курганы 9, 10, 15, 16, 20, 25, 30, 31, 33, 37). В половине случаев в безынвентарных погребениях умершие были ориентированы головой на юго-восточный сектор. К сожалению, информация о положении черепа отсутствует. Ещё в пяти курганах погребения содержали лишь по одной вещи (ножи, наконечник стрелы, перстень).

Всего в двух случаях четко фиксируется соблюдение киблы при наличии инвентаря: умершие ориентированы на юг, юго-восток, череп повернут налево (курган 28, 36). Таких случаев, вероятно, было больше, но информация о положении черепа чаще всего не приведена. Авторы понимают, что и безынвентарность погребений, и их юго-восточная ориентировка далеко не всегда напрямую могут быть связаны с мусульманским обрядом погребения. То, что мы имеем дело именно с распространением ислама, доказывает сочетание безынвентарности погребений и ориентировки лица покойного на Мекку. Датировка могильника Тоянов Городок не выходит за рамки позднего Средневековья и определяется разными исследователями как

XV–XVI вв., XV в., XVI–XVII вв., XVII в. [13. С. 16]. Отмеченные выше черты погребального обряда говорят о проникновении в это время ислама в среду татар-эуштинцев.

Ещё более интересным выглядит наличие погребений с признаками мусульманской обрядности в Астраханцевском могильнике, датируемом XIII–XV вв. Как было показано выше, половина из всех исследованных погребений этого могильника имеют признаки мусульманского погребального обряда, а практически каждый шестой погребен строго по канону: без инвентаря и с соблюдением киблы. Приведенные данные подтверждают одну из существующих версий о достаточно раннем проникновении ислама в Сибирь: «Миссионерская деятельность наиболее активной части среднеазиатских проповедников, вероятно, имела место в Сибири и ранее XIV в., и в XIV в., а особенно в XV–XVI вв.» [5. С. 101]. Другое дело, что такой высокий процент погребений с признаками мусульманского обряда для средневекового некрополя, расположенного, по сути, на самой отдаленной периферии исламского мира, в таежной зоне Верхнего Приобья, и датируемого при этом XIII–XV вв., делает Астраханцевский могильник уникальным и опорным памятником в контексте дальнейшего исследования этапов исламизации местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 14. С. 1–28.
2. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.
3. Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 103–108.
4. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992.
5. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Некоторые аспекты изучения народного ислама в Сибири в свете исторических и этнографических данных (к постановке проблемы) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Изд. дом «Наука», 2004. С. 96–123.
6. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. 159 с.
7. Васильев В.Д. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань, 2007. 201 с.
8. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.
9. Измайлов Искандер. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар, 2008. № 1. С. 4–34.
10. Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова Городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 73–89.

11. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.

12. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

13. *Яковлев Я.А.* Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного

Исторического музея (г. Стокгольм). Томск; Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

14. *Плетнева Л.М.* Отчет об археологических исследованиях томского отряда Археологической экспедиции Томского университета в 1982 году. Томск, 1983.

15. *Плетнева Л.М.* Отчет об археологических исследованиях томского отряда Археологической экспедиции Томского университета в 1986 году. Томск, 1987.